

ОЙ, ВЫ, КОНИ МОИ

Доманова К.Г.

Пролог

*Почему мы поступаем скверно,
Забывая дом, себя самих?
Исчезают русские деревни,
Тихо умирают храмы в них.*

Мы снова здесь, в этой забытой богом деревне. Мы – это я и мой старший брат Саша. Хотя деревня – это слишком громко сказано. Ничего здесь уже не осталось, дома давно брошены и смотрят на мир глазами разбитых окон. Крыши покрыты зеленым мхом, печные трубы разобраны на кирпичи находчивыми «предпринимателями». Вокруг – заросли борщевика. Дороги нет, и чтобы добраться до места, приходится ехать на авось, блуждая в деревенских джунглях. А если не повезет, и машина забуксует – помощи ждать неоткуда. До службы спасения не дозвонишься – вышки сотовых операторов отсутствуют в радиусе нескольких километров. Выход один: бросать машину и пешком возвращаться назад за помощью в соседнюю, еще не совсем «умершую» деревню.

Раннее утро. Мы специально выехали из города ночью, чтобы оказаться здесь как можно раньше. Мы всегда так делали, только еще три года назад приезжали сюда с моим дедушкой – Александром Петровичем. Сегодня мы – вдвоем. Деда уже нет. С его уходом исчезло что-то очень важное в нашей с братом жизни. Он был настоящим другом, который научил нас думать, чувствовать, не проходить мимо чужой беды. Нам понадобилось время, чтобы собраться с силами, мыслями и снова приехать сюда. Здесь находится то, что крепко-накрепко связало нас невидимой нитью. В этой «умершей» деревне осталось его сердце, его душа.

Лето. Июль. И я уже знаю, что скажет братишка: « Сейчас лучше не выходить из машины, кругом обильная роса». Над узенькой, обмелевшей речушкой – туман, и от этого она кажется молочной. Пейзаж из сказки «Гуси – лебеди» – молочная река, кисельные берега. Солнечные лучи робко касаются верхушек деревьев, надо немного подождать и можно двигаться в путь. Внезапно закрадывается мысль: а сможем ли мы добраться до нужного

места? Мы, собираясь в дорогу, даже и не подумали, что за прошедшие три года все может сильно измениться. Утреннее Светило с напором выкатывается на небосклон, сейчас станет сухо, пора.

Зря я паниковала, ноги, как будто сами понесли нас по давно заросшей тропинке. Голова работала, словно навигатор: еще пятьдесят метров и будет поворот направо, затем старая, сухая береза, за ней спуск к реке и лодка. Насчет лодки закрались сомнения, но она оказалась на месте, вся окруженная ряской и тиной, зато целая и пригодная для плавания. Сколько лет она нас с дедом выручала! Видимо, в память о нем, помогала его внукам и сейчас. Несколько взмахов веслами и мы у цели. Еле заметная тропка вверх на крутой берег и вот она – заветная старая ива. Когда-то это прекрасная стройная красавица! Но время делает свое дело, сейчас нас встретила древняя старушка с полуголыми длинными ветвями-косами, кажется, даже листья поседели от старости. А вот и нехорошее дело рук моего брата – шрамы на теле – коре дерева. Именно Саша нанес эти раны иве, взяв перочинный нож и вырезав с гордостью САНЯ. Брат мне рассказывал: « Помню глаза деда – в них не было злобы, была боль: «Разве можно вот так по живому?» – этот урок я усвоил на всю жизнь».

Сейчас мы сядем здесь, под ивой и будем слушать. Это наш ритуал. А потом... потом мы пойдем дальше.

Много лет назад

*Ой, вы, кони мои летучие,
В ваших венах свободы биение,
Греют землю копыта жгучие,
Вы несетесь аллюром по времени!
Ой, вы, кони мои игривые,
Блеск металла в подковах гранями,
Солнца свет мне закрыли гривами,
Мою душу навеки ранили.*

– Шурка! Шурка! Ну, куда же ты запропастился негодник? – моложавая женщина бегала по деревне в поисках своего восьмилетнего сына. – Не иначе, опять с Ванькой за реку сбежали!

Женщина направилась к матери Ивана в надежде, что сын окажется у лучшего друга. Здесь ее ждало разоча-

рование, мать Вани тоже не знала, куда делся сын – постреленок. Обе кинулись к реке. Не ошиблись, лодки на месте не оказалось, значит мальчишки уплыли на другой берег Веснянки. Такое случалось довольно часто, казалось бы, нужно уже привыкнуть, но материнское сердце всегда в тревоге, мало ли что случится, дети же все-таки.

– Ну, только появится, нахаленок, такой трепки задам! – как всегда проворчала Анна – мать Шурки. Хотя знала, что ничего она мальчишке не сделает, одна его растила, без мужа.

– Не говори, Аня, совсем от рук отбились, сладу с ними не стало! – поддержала ее соседка Марфа.

На том и расстались, у каждой свои заботы, некогда ребянтю караулить у берега. Жизнь в деревне нелегкая, одно хозяйство чего стоит: накормить, напоить, коров подоить... Так и получалось, что большую часть времени мальчишки были предоставлены сами себе.

– Говорю тебе, что не сможешь ты Бурого объездить! Даже поспорить могу! – кричал Шурка упрямому Ивану. – Слишком уж ты в себе уверен! Ты видел, какой он горячий, даже конюха дядьку Степана не подпускает!

– Хочешь спорить – давай, спокойно ответил Ванька. – Я тебе говорю, что смогу на Бурого сесть и без седла удержусь.

Шурка не унимался, его возмущало спокойствие и самоуверенность друга. Ребята сидели в своем потайном месте на крутом берегу, под огромной ивой. Так часто бывало. Если им нужно было решить какие-то важные дела, они тайком брали лодку у местного сторожа деда Ефима и переправлялись сюда, на эту кручу. Мальчишки знали, что здесь их никто не сможет найти.

Спор продолжался, страсти накалились до предела. Решили, что, как только стемнеет – будут тайком пробираться в табун. Там Ванька и покажет свое мастерство – оседлает нового скакуна Бурого. Слава о коне ходила недобрая. Люди поговаривали, что «бес» в коне живет. Никто не мог оседлать красавца, уже и не стремились коня укротить. Решили – дело безнадежное.

Иван с малых лет бредил лошадьми. Местные подшучивали над ним: « Тебе,

видно, надо было конем уродиться. С лошадьми ладишь лучше, чем с людьми!». И то, правда – нелюдимый Ванька был, только в конюшне и пропадал днями, летом – в поле с пастухами. Когда с Шуркой подружились – все диву давались, что может быть общего у ребят? Шурик веселый, улыбчивый, никогда ни с кем не поругается, друг же – полная противоположность – только тронь, кулаки в ход пускает, часто местные ребята прибежали домой в слезах и с побитыми носами. Тяжело Марфе было с ним, никакого сладу.

Лишь один человек имел на мальчишку влияние – дед Ефим, сторож, а по совместительству местный священник. В те времена не очень жаловали религию, деревенская церковь была в весьма плачевном состоянии. Дед Ефим тайком следил за храмом: то двери поправит, то доски на полу перестелит. Ухаживал, как мог. Деревенские знали это, и так же тайком Ефиму помогали. Бывало такое, что крестил он в храме детишек, и даже венчал молодых. Привязался Ванька к деду, так и бегал: то на конюшню, то к храму. Потому и лодку спокойно брал, знал, что старик браниться не станет.

Ночь выдалась светлая. Луна огромным желтым диском повисла над засыпающей деревней. Тихо совсем стало. Местные собаки перестали лаять, в домах погасили свет. Только двоим в эту ночь не спалось. Договорились товарищи встретиться возле конюшни, ждали с нетерпением назначенного часа.

– Слышишь, Ванька, ты еще не передумал? Или спишь уже? – шепнул Шурка в открытое окно.

– Здесь я, иду, – послышалось в ответ.

Друзья смело зашагали в сторону деревенской конюшни. Шли молча. У Шурки на душе стало беспокойно, казалось, сердце из груди выскочит. Он уже пожалел, что поспорил с лучшим другом. Знал же с самого начала, что тот упрямый и от своего не отступится. Ноги становились ватными, руки вспотели от напряжения. В голове пульсировала мысль: «Скажи, что веришь, что проиграл спор». Но язык, словно занемел. Вот и пришли. Тихо скрипнули ворота конюшни, ребята оказались внутри постройки. В нос ударил запах свежего конского навоза, послы-

шалось легкое хрипение лошадей. Где-то в конце конюшни раздавался храп спящего сторожа. Еще немного и ночные визитеры оказались возле нужного загона. Иван поднял щеколду и тихо прокрался к Бурому. Конь не спал. Он спокойно посмотрел на мальчика и ничуть не волновался. Ваня осторожно погладил животное по шее, рука аккуратно взяла лошадь за гриву и потянула к выходу. Жеребец послушно последовал за незнакомцем.

Как все трое оказались на улице, уже никто не помнит. Иван потрепал Бурого по крупу и резко вскочил верхом. Жеребец, словно ожидал этого момента, он стал пританцовывать под седоком, но слегка, мягко переступая копытами. Чувствовал, что на спине сидит ребенок.

Шурка выдохнул. Кажется, сейчас все кончится, и пусть он проиграл спор, но главное, что Ванька счастлив! Он еще не знал: беда стоит на их жизненном пути и смотрит на них безжалостно.

Никто так и не понял, откуда на конном дворе появилась собачонка. Хоть и мелкая была она, да уж сильно визгливая. Кинулась Бурому под копыта, конь на дыбы встал от неожиданности, а потом понес мальчишку. Ясно было, не сможет Ванька удержаться на коне без седла, без уздечки. Кинулся друг вслед, да где уж там! Разве догонишь жеребца горячего? Прибежал к Ефиму – кричит, плачет, слова сказать не может.

Заметался старик во все стороны, а толку нет. Коня и след простыл. Деревенских поднял колокольным звоном. Всю ночь искали Ивана деревней. Только утром разыскали. В траве лежал, без сознания. Конь рядом пасся. Осмотрели, вроде живой, руки, ноги целы, голова не разбита. К местному фельдшеру принесли. Привели в чувства. Да только радость была недолгой: поняли – ослеп Ваня.

Спустя десять лет

*Ой, лошадки мои с диким норовом,
Под седлом вы ходить не станете,
Вы, узду разорвать готовые,
Только след за собой оставите.
Я спрошу у Творца Вселенского,
Для чего это было надобно,
Чтобы сердце горячее, дерзкое,
Он вселил в тело юноши слабого?*

В деревне проводы молодых ребят в армию. Гуляют и веселятся все. Еще

бы! Стать солдатом советской армии – это высокая честь. Тогда еще никто и не мог подумать, что спустя много лет, молодые люди будут стараться «откосить» от службы. Ну, это будет потом, намного позже. А сегодня в деревне праздник.

Шурка тоже в приподнятом настроении. Тем более, что служить будет на флоте. Это же романтика! Одно только тревожит парня: друг его лучший не может разделить с ним этой радости. Не суждено Ивану быть солдатом. Последние полгода совсем замкнулся друг, одной отдушиной его была старая церковь, да то заветное место на круче под ивой. Переберутся, как прежде бывало, друзья на лодке через Веснянку, по узкой тропке добредут до ивового шалаша, и часами сидят там. Молчат. А потом Иван неожиданно стихи начнет читать. Много раз спрашивал его товарищ: «Как ты так запросто вот так слова складываешь?» Помолчит Ваня, а потом и скажет: « Что видится мне, о том и рассказываю».

Заныло сердце у Шурки. Нигде друга отыскать не может. Всю деревню обжегал, к деду Ефиму три раза заглядывал. Иван у старика жил, мать три года как умерла, пришлось парню к старику перебраться. Перебивались понемногу. Шурка с матерью тоже не бросали их, всегда рядом были, если помощь какая нужна – никогда не откажут. Так и ушел служить, с другом не простившись.

Спустя год в деревню пришло известие – конезавод решили здесь строить. Уже несколько молодых жеребцов и кобыл привезли. Разместить, правда, негде, да не беда. Решение всегда найдется. Власти дали указание: временно разместить животных в старой церкви. У жителей это вызвало возмущение. Да толку мало, возмущайся, не возмущайся, ничего не поделаешь. Тяжелее всего это известие воспринял Ефим. Слег совсем, будто по капле жизнь из него уходила. Иван не отходил от деда, одна единственная родная душа осталась у парня.

Как-то ночью случилась беда в деревне. Проснулись жители от яркого зарева. Ничего спросонья понять не могли. Одно было ясно – пожар большой. А что горит, где? Когда выяснили, что храм в огне – кинулись тушить, да

где там! Словно огромный костер, с треском и воем полыхал он. Пронизывающее душу, лошадиное ржание сводило с ума. Люди боялись подойти ближе, слишком горячо. Никто сразу и не заметил Ивана. Он, словно дикий зверь, с громким криком бросился к церкви. Открыл засов на массивных дверях. Лошади ринулись из горящего ада.

Три дня прожил Ваня в районной больнице. Ожоги покрывали все тело. Только лицо не обожгло совсем. А самое удивительное, что зрение к нему вернулось. Долго потом по этому поводу спорили медицинские светила. Сделали вывод, что стресс парню зрение вернул. Да что уж тут рассуждать. Нет его больше.

Хоронили земляка всей деревней. Рядом со сгоревшей церковью нашлось ему последнее пристанище. Здесь через неделю и дед Ефим лег. Два деревянных креста стоят рядом.

Послесловие

Жара подступает. Пора двигаться в обратный путь. Сейчас, переплыв Веснянку, мы пойдем на старое церковное пепелище. Здесь уже ничто и не напо-

нит о тех днях. Я не знаю, где это место – брат знает. Они всегда ходили туда с дедом Сашей. Сегодня мы туда пойдем без него.

Эту историю мне рассказал брат совсем недавно, решив, что пришло время. У нас с ним большая разница в возрасте. Они с дедушкой были очень близки, поэтому доверяли друг другу самое сокровенное. И назвали брата в честь дедушки – Александром. Саша рассказал, что всю свою долгую жизнь дед Саша не мог простить себе того детского спора. Так и прожил с чувством вины, прожил и за себя и за своего друга. А еще, поведал он внуку, перед самым своим уходом, что в то самое время, когда Иван, лошадей из огня спасал, у них на подводной лодке пожар случился. Ликвидировали вовремя, только деду моему лицо обожгло. Буд-то бы послание ему от друга было, чтобы помнил.

*пгт. Хиславичи, МБОУ «Хиславичская СШ»,
10 класс*

*Руководитель: Сафонова Т.В.,
пгт. Хиславичи, МБОУ «Хиславичская СШ»,
учитель русского языка и литературы*

